

УДК 398.22(571.56-37)

DOI 10.25587/SVFU.2018.12.22344

А. С. Ларионова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

НАПЕВЫ ОЛОНХО В ЗАПИСЯХ ВИЛЮЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ М. Н. ЖИРКОВА

Аннотация. В статье исследуются нотные записи напевов якутского героического эпоса олонхо, произведенные М. Н. Жирковым во время Вилюйской экспедиции 1943 г. Они хранятся в фондах М. Н. Жиркова в Национальной библиотеке РС (Я) им. А. С. Пушкина. Выявлено, что нотные записи напевов якутских сказаний М. Н. Жиркова являются одними из первых нотаций напевов олонхо. До него нотные записи якутских традиционных напевов произведены А. Ф. Миддендорфом и А. Л. Масловым. Впервые записал на ноты «Песню девушки» из олонхо В. Л. Серошевский. В изданных до М. Н. Жиркова нотных сборниках отсутствуют нотные записи напевов олонхо. Только во время Вилюйской экспедиции 1943 г. М. Н. Жирков впервые записал на ноты напевы якутских сказаний. В записях Вилюйской экспедиции М. Н. Жирковым приводятся 11 песен из олонхо. При этом отсутствуют указания принадлежности напевов к олонхо. Тем не менее, эти напевы принадлежат распространенным в олонхо персонажам. При анализе сделана попытка реконструкции принадлежности напевов олонхо к тому или иному якутскому эпосу, распространенному в вилюйской группе улусов. Все напевы принадлежат вилюйской стилистике пения *этэн ыллыыр* (поёт, выговаривая). Вместе с тем в них обнаруживаются две улусные традиции исполнения олонхо: верхневилуийская и нюрбинская, которые отличаются между собой и интонационно, и метроритмически. Изучены также методы собирания М. Н. Жирковым якутского музыкального фольклора в плане фрагментарной фиксации мелодий и их записи от пожилых носителей фольклора. Нотные записи М. Н. Жиркова отличаются краткостью, схематизмом и зачастую отсутствием слов. При ключе проставлены знаки альтерации, указывающие принадлежность напева к той или иной тональности, что характерно для начального этапа изучения якутской традиционной песенности, когда еще не были изучены ладозвучные закономерности якутской народной песни. Проставлен в нотных записях и размер, что говорит о принадлежности напевов к стилю якутского традиционного пения *дэгэрэнг ырыа* (подвижная, ритмичная, размеренная песня). Таким образом, нотные записи напевов олонхо М. Н. Жиркова, произведенные им во время Вилюйской экспедиции 1943 г., являются первыми нотными записями песенных фрагментов якутских героических сказаний в период активного бытования фольклора народа саха.

Ключевые слова: эпос, олонхо, напев, нотная запись, стиль, *дьиэрэтии ырыа*, *дэгэрэнг ырыа*, звукоряд, метроритм, локальная стилистика.

А. S. Larionova

Chants of olonkho in the records of the Viluy expedition of M. N. Zhirkov

Abstract. The article examines musical notes of the Yakut heroic epic olonkho chants, produced by M. N. Zhirkov during the Viluy expedition in 1943. They are kept in the funds of M. N. Zhirkov in the National

ЛАРИОНОВА Анна Семеновна – доктор искусствоведения, доцент, г. н. с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, профессор Высшей школы музыки (Института) Республики Саха (Якутия) им. В. А. Босикова, Якутск, Россия.

E-mail: degerenan@mail.ru

LARIONOVA Anna Semenovna – Doctor of Art, Associate Professor, Principal Researcher of Department of Folklore and Literature, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch, professor of V. A. Bosikova Higher School of Music of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia.

E-mail: degerenan@mail.ru

Library of RS (Y). It is revealed that the musical notes of the chants of the Yakut legends of M. N. Zhirkov are among the first notation of the olonkho chants. Before him, the musical notes of the Yakut traditional chants were produced by A. F. Middendorf and A. L. Maslov. For the first time, V. L. Seroshevsky recorded the notes of an Olonkho girl's song. There are no musical notes of olonkho chants in musical compilations published before M. N. Zhirkov. It was only during the 1943 Viluy expedition that M. N. Zhirkov first recorded the chants of Yakut legends on notes. In the M. N. Zhirkov's records of the Viluy expedition, there are 11 songs from olonkho. At the same time, there are no indications of belonging to the olonkho chants. Nevertheless, these chants belong to characters common in olonkho. In the analysis, an attempt was made to reconstruct the belonging of the olonkho chants to one or another Yakut epic, common in the Viluy group of districts. All chants belong to the Viluy style of singing *eten ylyyur*. At the same time, two other traditions of olonkho performance are found in them: Verkhnevilyuysk and Nyurba, which differ from each other in the intonation and metrrhythmically. The M. N. Zhirkov's methods of collecting Yakut musical folklore were also studied in terms of fragmentary fixation of chants and their recording from elderly folklore bearers. The musical notes of M. N. Zhirkov are characterized by brevity, schematism, and often the lack of words. When the key is marked, the alteration signs indicate that the chant belongs to this or that key, which is typical of the initial stage of studying the Yakut traditional song, when the harmonic regularities of the Yakut folk song had not yet been studied. It is stamped in musical notations and size, which indicates that the chants belong to the Yakut traditional singing *degereng yrya* style. Thus, the musical notes of M. N. Zhirkov's olonkho chants, made by him during the 1943 Viluy expedition, are the first musical records of song fragments of Yakut heroic legends during the period of active existence of the Sakha folklore.

Keywords: epic, olonkho, chant, musical notation, style, *djieratii yrya*, *degereng yrya*, gamut, metrorhythm, local style.

Введение

М. Н. Жирков – первый профессиональный якутский композитор, создатель первой якутской оперы. Он также занимался собиранием и изучением якутской народной музыки. М. Н. Жирков «стал заниматься собиранием якутских народных напевов примерно с 1933 г. и не оставлял этой работы почти до самой своей смерти в апреле 1951 г. За этот период он нотировал около 450 напевов» [1, с. 13]. В Институте языка, литературы и истории Якутской базы Академии наук СССР (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) М. Н. Жирков с 15 июля 1947 г. по 17 апреля 1951 г. возглавлял сектор искусствоведения. Работая в институте, он впервые проводит научно-исследовательскую работу по изучению традиционной музыки якутов. В 1947-1949 гг. М. Н. Жирков написал первую разностороннюю работу по якутскому музыкальному фольклору. По этим материалам книга была издана лишь в 1981 г. под названием «Якутская народная музыка» [2]. В период работы в институте он провел 2 экспедиции: в Центральную и Вилюйскую группы улусов, где собрал большое количество музыкального материала. Весь архив, собранный в этих экспедициях, хранится в фондах М. Н. Жиркова в Национальной библиотеке РС (Я) им. А. С. Пушкина и до настоящего времени многие нотные записи из его архива еще не изучены.

Целью исследования является изучение напевов олонхо в нотных записях М. Н. Жиркова, произведённых во время Вилюйской экспедиции 1943 г., и особенностей методов полевых исследований композитора.

Новизна исследования заключается в том, что впервые изучаются нотные записи напевов олонхо, произведённые М. Н. Жирковым во время Вилюйской экспедиции 1943 г. Впервые исследуются также методы полевой работы М. Н. Жиркова.

Изучая напевы олонхо в нотной записи Вилюйской экспедиции М. Н. Жиркова, мы опирались на методологию по общетеоретическим положениям, выработанным В. Я. Проппом, В. М. Жирмунским, Е. М. Мелетинским, Д. С. Лихачевым, С. Ю. Неклюдовым, по текстологическим исследованиям – на труды В. М. Гацака, А. В. Кудиярова, Б. Н. Путилова, по полевым исследованиям – Н. В. Леоновой, Г. Б. Сыченко, по этномузыкознанию – на труды Э. Е. Алексева, Е. В. Гиппиус и др. В работе использовались описательный, сравнительно-сопоставительный методы, методы музыковедческого анализа.

По научным аспектам данного труда была издана статья А. С. Ларионовой «Особенности полевых исследований первого якутского композитора М. Н. Жиркова» [3] и её монография «Напевы якутского героического эпоса олонхо: текстология и символические аспекты» [4].

История нотной записи якутской традиционной песенности

Первый якутский профессиональный композитор М. Н. Жирков является также одним из первых собирателей напевов олонхо, которые он записал на ноты. До него первую нотную запись якутской традиционной песенности произвел А. Ф. Миддендорф. К нотной записи он прилагает следующий комментарий: «О раздирающей слух музыке этого рода можно судить по нижеследующим нотам, которые я записал как средний результат сердечных излияний помощника моего вожака: ни в словах, ни в мелодии не было ничего определенного <...> хотя тотчас же узнавалось прежде слышанное, но все-таки можно было различать и варианты» [5, с. 808]. Здесь не указано, к какому стилю и жанру относится представленный напев. Возможно, что он относится к стилю *дьиэрэтии ырыа* (протяжное пение с гортанными призвуками *кылысах*) в связи с использованием форшлагов и трелей, которыми отображены *кылысахы*, характерные для *дьиэрэтии ырыа*.

Следующая по хронологии нотная запись произведена А. Л. Масловым в статье Д. Н. Анучина «О применении фонографа к этнографии и в частности о записи шаманского камлания в Среднеколымске Якутской области» [6]. В них на основе фонографических записей А. Л. Маслов расшифровал записи якутских шаманов со звукоподражаниями птицам и зверям. По поводу этих записей М. Н. Жирков пишет: «К этим записям Маслов даёт следующие примечания: Первые три номера записаны от шамана Винокурова. Во втором номере, под цифрой 2 имеется трёхчетвертная нота до, перед которой проставлена горизонтальная черточка. “Эта нота до немного выше того, как она появляется в начале, поэтому интервал между ним и следующей ля приближается к большой терции”. Автор вставил почему-то в название слово “олонхо”. Олонхо – это якутская сказка, героический народный эпос древнейшего происхождения. Предметом его в большинстве случаев служит повествование о приключениях, битвах, удачах и неудачах богатырей, олицетворяющих доброе и злое начало. Оно ничего общего не имеет с заклинаниями исступленных шаманов. Поскольку мелодии записаны от шамана и в нотах зафиксированы подражания птицам и животным, то ни в коем случае их нельзя называть мелодиями олонхо» [2, с. 20]. Здесь уже в дореволюционный период исследователи отмечают внеевропейский характер якутской традиционной песенности с его микроальтерационными ходами в мелодии, а также ещё неустоявшийся характер якутской терминологии. Даже если дореволюционные исследователи отмечают свои записи как олонхо, тем не менее, это ещё не означает, что образец демонстрирует именно эпический жанр.

В этой же статье Д. Н. Анучиним «приводится нотная запись А. Ф. Миддендорфа наиболее повторяемой, по мнению исследователя, мелодии якутского танца. По произведенной записи сложно установить, какой именно напев танца переложен на ноты. Интонационно и ритмически он мало похож на осуохай (якутский традиционный обрядовый круговой танец – А. Л.), т. к. на протяжении 11 тактов звучит нота g^1 различными длительностями. Тем не менее – это первая нотная запись мелодии якутского народного танца. Форшлаг и трели, видимо, отображают необычные тембровые призвуки, украшающие, в целом, однообразную мелодию. В этой записи он также впервые ставит знаки альтерации не при ключе, как это принято в европейской нотной записи, а перед нотами, подразумевая нетемперированный характер якутской традиционной песенности» [6, с. 23-24]. Все проанализированные выше записи якутских напевов не принадлежат жанру якутского героического эпоса олонхо.

Впервые нотная запись олонхо произведена В. Л. Серошевским. В его труде «Якуты. Опыт этнографического исследования» представлена нотная запись «Песня девушки» из олонхо в манере *дэгэрэнг ырыа* (подвижная, ритмичная, размеренная песня) [7, с. 571]. К нотному примеру В. Л. Серошевским прилагается следующий комментарий: «Механизм пения у якутов очень своеобразный и от европейского совершенно отличный. Поют они исключительно почти горлом – гортанью. Мотив редко состоит больше чем из двух-трёх нот. Пение чрезвычайно ритмично и ближе всего подходит к нашему речитативу. Местами оно не что иное, как стройная, внятная скандовка с сильным придыханием» [7, с. 570]. По поводу нотной записи В. Л. Серошевского

М. Н. Жирков пишет: «Характерно, что мелодия песни без малейшего искажения сохранилась в народе до наших дней. Ею сопровождаются якутские народные танцы. Она обработана и использована в музыкальной драме “Дьулуруйар Нюргун Боотур” и в опере “Дьулуруйар Нюргун Боотур” (кумысный танец). Мелодический рисунок её свидетельствует о том, что эпическое произведение в старину передавалось не только устно, но и с пением весьма разнообразных мелодий типа “дэгэрэн”» [2, с. 18].

В советский период традиционные напевы народа саха стиля *дэгэрэнг ырыа* впервые были представлены в сборнике «Ноты якутских песен» («Саха ырыаларын ноталара») А. В. Скрябина, изданном в Москве в 1927 г. [8]. «В первую часть сборника вошли обработки К. П. Виноградова 20-и песен для голоса с фортепиано и тексты на якутском языке, во вторую – 16 обработок Н. И. Аладова тех же и других песен без текста, но уже для трёхголосного хора с фортепиано» [9, с. 29-30]. В сборнике отсутствуют напевы олонхо. Следующий сборник якутских народных песен принадлежит Ф. Г. Корнилову. В 1936 г. в Москве вышел в свет его «Сборник якутских песен. Для голоса без сопровождения» [10]. Ф. Г. Корнилов представил 88 мелодий, из которых «39 созданы народом и отдельными знатоками якутской песни, 49 – сочинены самим составителем» [9, с. 40]. В этом сборнике также нет песенных разделов олонхо. В данных изданиях имеются только нотные записи традиционных якутских напевов стиля *дэгэрэнг ырыа*. Таким образом, до нотных записей М. Н. Жиркова, произведенных им во время Вилюйской экспедиции 1943 г., существовала лишь одна нотная запись напева олонхо стиля *дэгэрэнг ырыа*, которую произвёл В. Л. Серошевский.

Напевы олонхо в нотной записи М. Н. Жиркова во время Вилюйской экспедиции 1943 г.

М. Н. Жирков в 1943 г. организовал экспедицию в Вилюйскую группу улусов и собрал там большое количество материалов. В экспедиции участвовали балетмейстер якутского театра И. Р. Каренин и прозаик Н. М. Заболоцкий. За полтора месяца пребывания (Сунтар, Нюрба, Верхневиллюйск, Вилюйск, без углубления в таежные наследи) экспедиция собрала 72 народные мелодии, более 20 народных танцев и старинных игр, а также импровизации, посвящённые теме Великой Отечественной войны.

Корпус текстовых материалов Вилюйской экспедиции М. Н. Жиркова 1943 г. хранится в фондах Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина в папке Ч. 4, № 1 «Записи якутских песен, произведенных в группе Вилюйских районов и высказывания о якутской музыке. 212 с.» под № 4/5 «М. Н. Жирков. Записи Якутских народных песен, произведенных в группе Вилюйских районов 1943 г.» [11]. Всего в представленных папках произведено по списку 69 нотных записей Вилюйской экспедиции М. Н. Жиркова. Из них записей традиционного якутского танца *осуохай* всего 29 (№ 1-29). Нотные записи *осуохая* подробно изучены Г. Г. Алексеевой в монографии «От фольклора до профессиональной музыки» [12]. Она отмечает, что всего 21 нотная запись «представляет собою напевы осуохая. Судя по кратким примечаниям: “Верхневиллюйск, с танца” (15), “записан в 1943 г. во время проводов бойцов в Армию” (1-3, 10, 13-15), Жирков нотировал напевы осуохая в процессе танца, большинство напевов даны без текста» [12, с. 41]. По названию М. Н. Жиркова раздел «Якутские песни и тойуки» («Саха ырыалара-тойуктара») содержит по списку 40 нотных записей (№ 1-40). В данном разделе представлены напевы из олонхо и, «наряду с песнями танцевального характера, связанными с движением (эти песни напел С. А. Зверев – № 2 “Алака ырыата” – “Песня Алака”, № 6 “Сүллүүр ырыата” – “Песня Сүллююр”), встречаются лирико-бытовые песни (№ 4 “Кыыс ытыыра” – “Плач девушки”, № 10 “Сайын” – “Лето”, № 12 “Күнүү ырыата” – “Песня ревности”, № 13 “Эмээхсин ырыата” – “Песня старушки”), песни со специфическими приемами пения (с применением кылысахов на слог “из”, № 3 “Сүлүндэ ырыата” – “Песня Сүлүндэ”, № 7 “Сиппиз” – (хабарба ырыата – песня с хрипом в горле) и песни, исполняемые в дороге (айан ырыата), № 32 “Атыыр обус айана” – “Путь быка”. В песенном репертуаре певцов вилюйской группы районов оказались и якутские массовые песни: “Дыгын кырдыаҕас саҕаттан” – “Песня времен старца Дыгына” на стихи А. И. Софронова (мелодия её не повторяет песню под таким же названием, записанную А. В. Затаевичем в 1927 г. от Г. Н. Емельянова – в прошлом партийного работника, командированного для работы в Актюбинский обком КПСС), № 26 “Песня об Якутске”, № 19 “Хатын

ырыата” – “Песня березы”, № 34 “Сүтүктээх, өлүүлээх 25 ыйдар” – “Полные бедствия и потеря 25 месяцев войны”» [11, с. 45-46].

М. Н. Жирковым во время Вилюйской экспедиции 1943 г. были записаны и напевы якутских сказаний, которые «представлены песенными фрагментами из олонхо, характеризующими персонажей Среднего мира (№ 16 “Сорук Боллур ырыата” – “Песня Сорук Боллура”) и Нижнего мира (№ 23 “Абааһы бухатырын ырыата” – “Песня богатыря Нижнего мира”, № 25, 36 “Абааһы кыһын ырыата” – “Песни дочери Нижнего мира”), а также старинными реликтовыми напевами, связанными с образами добрых небесных шаманок (№ 37, 38), с образами нечистых сил-абаасы (№ 14 “Суор ырыата” – “Песня абаасы в образе ворона”)» [11, с. 44-45].

В папке под № 4 напевы олонхо представлены в разделе «Якутские песни и тойуки». Всего записано 11 образцов: от Ивана Борисова из Верхне-Вилюйского района (ныне Верхневилюйский улус) – 3 образца – № 15 «Ардьамаан-Дардьамаан ырыата» – «Песня Арджамаан-Джарджамаана», № 16 «Песня Сорук Боллура», № 17 «Симэхсин эмээхсин ырыата» – «Песня старухи Симэхсин»; от К. К. Васильева из Верхне-Вилюйского района – 2 варианта песни «Айыы Куо удаҕаттар ырыалара» – «Песня удаганок Айыы Куо» под № 38 и 39; от народных певцов Сергея Афанасьевича Зверева – Кыыл Уола из Нюрбы¹ – 2 образца – № 10 «Песня Арджамаан-Джарджамаана»; № 30 «Уот Олгуйдаан диэн таар буойунун абааһы уолун ырыата» – «Песня богатыря абаасы Уот Олгуйдаан», и Игнатия Прокопьевича Кутурукова из Нюрбы – 2 образца – № 13 «Песня старушки», № 14 «Песня абаасы в образе ворона»; от Петра Михайловича Саввинова из Нюрбинского района 3-го Бордонского наслега колхоза «Красный плуг» – 2 образца – № 23 «Песня богатыря Нижнего мира», № 25 «Песни дочери Нижнего мира».

В записанных номерах отсутствуют указания, что они относятся к олонхо, тем более нет названий олонхо, к которым они принадлежат. Тем не менее, все эти песенные разделы, скорее всего, имеют отношение к жанру олонхо, в связи с тем, что напевы поют распространённые в якутских сказаниях персонажи, которые живут в разных мирах. Как известно, в якутских олонхо мир разделен на Верхний, Средний и Нижний. В Верхнем мире живут божества, в Среднем мире проживают люди и духи-*иччи*, Нижний мир населен чудовищами, с которыми люди борются. В якутских олонхо противоборствующие образы фольклористы разделяют на определённые группы. «В группу айыы входят жители Верхнего и Среднего миров. Айыы (божество) – общее название высших существ, олицетворяющих собой начало добра. Эти сверхъестественные существа живут в Верхнем мире и правят судьбами Среднего и Нижнего миров. Айыы переводится как “божество”, но слово используется и в отношении людей светлого племени <...> Божества и люди из светлого племени имеют близкие контакты. В группу абаасы входят противостоящие племени айыы мифические существа-чудовища. Они обитают в основном в Нижнем мире и являются нарушителями мирной жизни людей айыы» [13, с. 15].

В нотных записях М. Н. Жиркова отсутствуют песенные разделы героев *айыы* и людей светлого племени в связи с тем, что они поют в традиционной якутской манере пения *дьиэрэтии ырыа*. В тот начальный период изучения якутской народной песни в музыковедении ещё не были выработаны основы нотной записи напевов *дьиэрэтии ырыа*, т. к. их переложение на ноты осложнено нетемперированным характером напевов данного рода. Собирателем представлены только напевы героев, поющих преимущественно в манере пения *дэгэрэнг ырыа*, и их пение возможно перевести на европейскую нотацию.

Напев «Песня Арджамаан-Джарджамаана» С. А. Зверева – Кыыл Уола из Нюрбы Нюрбинского района под № 10 представляет пение распространённого в якутских олонхо персонажа. Арджамаан-Дарджамаан в якутских олонхо является таёжным тунгусским богатырём. Об этом пишет Г. У. Эргис: «Во многих олонхо эпизодически появляется таёжный богатырь Ардьамаан-Дардьамаан как противник главного героя. В отличие от абаасы его образ наделяется реалистическими чертами. Он изображается стариком в дохе, ходит на лыжах или ездит на олене» [14, с. 200]. Образ тунгусского богатыря распространён в олонхо различных регионов Якутии. Он встречается в следующих олонхо: «Сын лошади Дыырай Бэргэн» («Сылгы уола Дыырай

¹ М. Н. Жирков встретил С. А. Зверева в Нюрбинском улусе, поэтому в архивных документах указано, что он представляет нюрбинскую локальную традицию, хотя общеизвестно, что он родом из Сунтарского улуса.

Бэргэн») Амгинского и Чурапчинского улусов, «Нэриэн Мюлгю» («Нэриэн Мүлгү») Чурапчинского улуса, «Многострадальный Эр Соготох» («Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соботох») Хангаласского улуса, «Алаатыр Ала Туйгун» Мегино-Кангаласского улуса, «Мюлджю Сильный» («Мүлдү Бөбү») Усть-Алданского улуса.

Все напевы олонхо в нотной записи Вилюйской экспедиции М. Н. Жиркова относятся соответственно к вилюйской региональной стилистике якутского пения *этэн ыллыыр*, когда «певец поёт, чётко скандируя слова – *этэн ыллыыр*, т. е. “поёт, выговаривая” (в противовес *тардан ыллыыр* петь, распевая, украшая каждый слог)» [15, с. 49]¹. В вилюйской эпической традиции образ тунгусского богатыря «представлен в восьми олонхо: “Күн Эрили” И. М. Харитонова, “Күн Туралыма бухатыр” В. Д. Егорова, “Оҕо Дуулах бухатыр” Н. Иванова, “Оҕо Дуулах бухатыр” В. Д. Егорова, “Уолуйа Боотур”, “Дырибинэ Боотур” В. О. Каратаева, “Уол Дуолан бухатыр” М. З. Маргынова, “Тонг Саар бухатыр” С. Н. Каратаева – Дыгыйар. Видимо, это связано с тем, что в Вилюйском регионе якуты проживали рядом с эвенками, и это нашло отражение в эпосе» [16, с. 82].

Напев «Песня Арджамаан-Джарджамаана» (№ 10) С. А. Зверева – Кыыл Уола из Нюрбы записан М. Н. Жирковым в одну нотную строку (4 такта) синими чернилами. Вербальный текст образца следующий:

*Сэгэригим оҕото,
Сэгэртэйим сыыскана*

Миленский мой,
Голубчик мой [пер. наш].

Напев изложен в манере метризованного якутского пения *дэгэрэнг ырыа* и имеет размер 6/8, что характерно для песен эвенков, указывая на тунгусское происхождение героя. Якутские же напевы *дэгэрэнг ырыа*, в отличие от представленного напева, излагаются чаще в двухдольном метре. Амбитус мелодии напева «Песня Арджамаан-Джарджамаана» С. А. Зверева составляет ч. 4. Интонационная структура основана на повторении поступенного нисходящего движения к нижнему опорному тону.

Напев того же героя (№ 15) в исполнении Ивана Борисова из Верхне-Вилюйского района в манере *дэгэрэнг ырыа* записана в 2 строки (9 тактов) также синими чернилами. Вербальный текст отсутствует. При ключе проставлены альтерационные знаки, указывающие на тональность d-moll, хотя известно, что в якутском раннефольклорном интонировании тональная система, характерная для европейской музыки, отсутствует. Напев изложен в размере 2/4 с синкопированным ритмическим рисунком, и амбитус мелодии охватывает ч. 5. Интонационно данный напев отличен от предыдущего с постоянным восходящим скачком на ч. 4. Возможно, отличия этих двух напевов связаны с локальными разновидностями пения в двух разных улусах (нюрбинском и верхневилуйском) одной вилюйской региональной стилистики пения.

М. Н. Жирковым от Ивана Борисова также записан напев «Песня старухи Симэхсин». Симэхсин эмэхсин – это старуха-коровница. «В олонхо Вилюйского региона этот образ встречается лишь в 12 текстах из 40 и выполняет следующие роли: вестника о прибытии героя, богатыря абаасы, о похищении девушки айыы; помощницы противника героя; советчицы; хранительницы традиций патриархальной семьи» [16, с. 84]. Напев записан также синими чернилами в 2 строки (6 тактов). Вербальный текст отсутствует. Изложен в размере 2/4 с синкопированным ритмическим рисунком. Звукоряд мелодии составляет $g^1-a^1-c^2-d^2-e^2$. Амбитус мелодии охватывает б. 6 со скачком в мелодии на этот же интервал.

Сорук Боллур – парень-вестник в вилюйской традиции исполнения встречается реже, например, его образ представлен в олонхо В. О. Каратаева «Эрбэхтэй Меткий» («Эрбэхтэй Бэргэн») и А. П. Амбросьева «Кюн Нюргун» («Күн Ньургун»). М. Н. Жирковым напев данного героя записан в 3 строки (9 тактов) под № 16 также от Ивана Борисова. Указана при ключе тональность G-dur, хотя напев двузвучный на протяжении всех 9-и тактов и отсутствует семиступенный лад. Мелодия изложена в размере 2/4 с синкопированным ритмом и основана на звукоряде g^1-h^1 .

¹ *Тардан ыллыыр* – термин, употребляемый в якутском этномузыковедении для обозначения центральной (приленской) стилистики пения.

Записаны М. Н. Жирковым и напевы главных противников рода человеческого – богатыря *абаасы* и девушки *абаасы*. Данные персонажи присутствуют во всех якутских олонхо. В записях М. Н. Жиркова от Ивана Борисова также представлены напевы «Песня удаганок Айбы Джаргыл» («Айбы Дьарбыл удаҕаттар ырыалара») и «Песня коня» («Ат ырыата»). Вполне вероятно, что они тоже являются песенными разделами из олонхо, к песенному фрагменту «Песня коня» имеется комментарий собирателя: «иччитигэр ыллыыр ырыа», т. е. это песня-обращение к хозяину.

Информация об исполнителях дана в анализируемых нотных записях не полностью. Так, отсутствуют инициалы Ивана Борисова. Написано только имя. У К. К. Васильева даны только инициалы и не указано место, откуда он родом. Исполнители олонхо, от которых М. Н. Жирков записывал напевы, не были молодыми людьми. В связи с этим он пишет: «Из-за того, что для изучения музыкального фольклора интересны всякие музыкальные произведения, не следует считать, что интересно всякое исполнение. Выбор хороших, известных народных исполнителей имеет большое значение, как в отношении репертуара, так и в отношении лучших вариантов. Отыскать хороших исполнителей не всегда легко, в большинстве случаев приходится предпочитать пожилых людей» [17, с. 59].

Из проанализированных нотных текстов выявлено то, что нотные записи напевов олонхо М. Н. Жиркова отличаются лаконичностью и схематизмом. Большинство напевов приведены в виде одной-двух, в крайнем случае трёх нотных строк, которые зачастую даны без текста, что связано со сложностями записывания якутских традиционных напевов. Нотные записи без словесного текста представлены в песенных фрагментах Ивана Борисова «Песня Арджамаан-Джарджамаана» (№ 15) и «Песня Сорук Боллура» (№ 16). Собиратель при ключе ставит знаки альтерации на основе европейской нотации, указывая таким образом тональность, к которой принадлежит тот или иной напев. В то время как якутские традиционные напевы основаны на совершенно иных внеевропейских ладозвукорядных основах и не имеют тональной системы. Тем не менее, для того периода полевых исследований традиционной песенности якутов была характерна запись образцов в тональной системе, т. к. еще не были изучены ладовые закономерности якутских народных песен.

В методике фиксации фольклорных напевов М. Н. Жирков предлагает свой метод записи якутских народных напевов. Он считает, что мелодию можно записывать фрагментарно, а прежде чем её записать, собирателю нужно постараться запомнить мелодию. Он описывает методику нотной записи напева следующим образом: «При записывании одноголосной мелодии по слуху, желательно, чтобы собиратель сам запомнил мелодию и проверил себя, спев её певцу. Если же собирателю не удаётся точно запомнить всю мелодию, он записывает первую часть, затем последующую и т. д. и проверяет их поочередно вместе с певцом» [17, с. 60].

Заключение

Таким образом, фиксация напевов олонхо М. Н. Жиркова во время Вилюйской экспедиции 1943 г. стали первыми нотными записями песенных фрагментов якутских сказаний вилюйской традиции исполнения. При отсутствии указаний, из каких они олонхо, тем не менее, можно приблизительно определить сказания, в которых эти персонажи представлены. Песенные фрагменты олонхо в фиксации Вилюйской экспедиции М. Н. Жиркова выявляют также локальные особенности вилюйской региональной традиции пения, когда в каждом улусе поют только им присущие варианты напевов олонхо.

Материалы Вилюйской экспедиции 1943 г. М. Н. Жиркова содержат нотную фиксацию 69 (по списку) образцов песенного фольклора саха. Из них 11 принадлежат напевам олонхо, т. к. представляют напевы распространённых в якутском эпосе персонажей. При отсутствии данных о принадлежности того или иного напева к конкретному сказанию, нами выявлено, к каким олонхо они могли принадлежать. Сравнив напевы тунгусского богатыря Арджамаан-Джарджамаана в исполнении С. А. Зверева – Кыыл Уола и верхневиллюйского олонхосута Ивана Борисова, мы определили, что помимо региональных стилистик якутского пения, каким является вилюйская стилистическая традиция, в период активного бытования олонхо существовали и локальные стилистики, в данном случае: нюрбинская и верхневиллюйская стилистики пения. В полевой работе М. Н. Жирков утверждает свои методы и подходы в фиксации фольклорных

напевов саха. Он предлагает записывать образцы традиционной песенной культуры якутов от пожилых носителей фольклора, а нотную запись напевов производить фрагментарно.

Литература

1. Кондратьев С. А. Якутская народная песня. – М.: Советский композитор, 1963. – 180 с.
2. Жирков М. Н. Якутская народная музыка. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 176 с.
3. Ларионова А. С. Особенности полевых исследований первого якутского композитора М. Н. Жиркова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017, № 5. – С. 144-148.
4. Ларионова А. С. Напевы якутского героического эпоса олонхо: текстология и символические аспекты. – Saarbrücken: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012. – 178 с.
5. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Ч. 2. Отд. 6. Коренные жители Сибири. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. – С. 619-834.
6. Анучин Д. Н. О применении фонографа к этнографии и, в частности, о записи шаманского камлания в Средне-Колымске Якутской области // Труды Музыкально-этнографической комиссии общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. – М., 1911. Т. 2. – С. 269-297.
7. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1993. – 736 с.
8. Скрябин А. В. Саха ырыаларын ноталара. – М.: Музгиз, 1927. – 28 с. (на якутском яз.)
9. Кривошапко Г. М. Музыкальная культура якутского народа. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 184 с.
10. Корнилов Ф. Г. Сборник якутских песен. Для голоса без сопровождения. – М.: Музгиз, 1936. – 121 с.
11. Жирков М. Н. Записи якутских песен, произведенные в группе Вилюйских районов и высказывания о якутской музыке // Архивный фонд Национальной библиотеки РС (Я) им. А. С. Пушкина. – Фонд М. Н. Жиркова, опись 4, № 1. – 212 с.
12. Алексеева Г. Г. От фольклора до профессиональной музыки. – Якутск: Бичик, 1994. – 160 с.
13. Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 166 с.
14. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.
15. Алексеев Э. Е. О музыкальном воплощении олонхо // Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». – Новосибирск: Наука, 1996. – С. 42-58. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).
16. Кузьмина А. А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск: Наука, 2014. – 160 с.
17. Жирков М. Н. Инструкция для записывания народной якутской музыки // Марк Жирков: сборник документов и материалов / [сост.: Т. Н. Семенова (отв. сост.), Н. Н. Иванова]. – Якутск: Бичик, 2017. – С. 57-63.

References

1. Kondratiev S. A. *Yakutskaya narodnaya pesnya* [Yakut folk song]. Moscow, Sovetskiy Kompozitor, 1963, 180 p.
2. Zhirkov M. N. *Yakutskaya narodnaya muzyka* [Yakut folk music]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1981, 176 p.
3. Larionova A. S. *Osobennosti polevyh issledovaniy pervogo yakutskogo kompozitora M. N. Zhirkova* [Features of field researches of the first Yakut composer M. N. Zhirkov]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University]. 2017, No. 5, pp. 144-148.
4. Larionova A. S. *Napevy yakutskogo geroicheskogo eposa olonho: tekstologiya i simvolicheskie aspekty* [Tunes of the Yakut heroic epic olonkho: textual criticism and symbolical aspects]. Saarbruecken, LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012, 178 p.
5. Middendorf A. F. *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Sever i vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Ch. 2. Otd. 6. Korennye zhiteli Sibiri* [Travel to the North and East of Siberia. The North and the East of Siberia in the natural-historical relation. Part 2. Section 6]. Saint-Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, pp. 619-835.

6. Anuchin D. N. *O primenienii fonografa k etnografii i, v chastnosti, o zapisi shamanskogo kamlaniya v Sredne-Kolymske Yakutskoj oblasti* [About application of a phonograph to ethnography and, in particular, about record of a shaman's rite in Sredne-Kolymsk the Yakut area]. In: *Trudy Muzykal'no-etnograficheskoi komissii obshchestva lyubitel'ev estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete* [Works of the Musical and Ethnographic commission of society of fans of natural sciences, anthropology and ethnography at the Moscow university]. Moscow, 1911. Vol. 2, pp. 269-297.
7. Seroshevskiy V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Experience of ethnographic research]. 2nd prod. Moscow, Russian political encyclopedia, 1993, 736 p.
8. Skryabin A. V. *Saha yryalaryn notalara* [Yakut song's notes]. Moscow, Muzgiz, 1927, 28 p. (In Yakut lang.)
9. Krivoshapko G. M. *Muzykal'naya kul'tura yakutskogo naroda* [Musical culture of the Yakut people]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1982, 184 p.
10. Kornilov F. G. *Sbornic yakutskikh pesen. Dlya golosa bez soprovozhdeniya* [Collection of the Yakut songs. For a voice without accompaniment]. Moscow, Muzgiz, 1936, 121 p.
11. Zhirkov M. N. *Zapisi yakutskikh pesen, proizvedennykh v gruppe Vilyujskikh rayonov i vyskazyvaniya o yakutskoj muzyke* [Recording of Yakut songs produced in the group of Viluy areas and statements of Yakut music]. In: *Arhivnyj fond Natsionalnoj biblioteki RS (Ya) im. A. S. Pushkina* [Archive Fund of A. S. Pushkin National Library of RS (Ya)]. Fund of M. N. Zhirkov, inventory 4, 212 p.
12. Alekseeva G. G. *Ot fol'klora do professionalnoj muzyki* [From folklore to professional music]. Yakutsk, Bichik, 1994, 160 p.
13. Danilova A. N. *Obraz zhenshiny-bogatyрки v yakutskom olonho* [The image of a woman-heroes in Yakut olonkho]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 166 p.
14. Ergis G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [The essays on the Yakut folklore]. Moscow, Nauka, 1974, 402 p.
15. Alekseev E. E. *O muzykal'nom voploschenii olonho* [About the musical embodiment of olonkho]. In: *Yakutskij geroicheskij epos "Moguchij Er Sogotokh"* [Yakut heroic epic "Mighty Er Sogotokh"]. Novosibirsk, Nauka, 1996, pp. 42-58. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 10* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 10]).
16. Kuzmina A. A. *Olonho Vilyujskogo regiona: bytovanie, syuzhetno-kompozitsionnaya struktura, obrazy* [Olonkho of the Viluy region: existence, plot and compositional structure, images]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 160 p.
17. Zhirkov M. N. *Instruktsiya dlya zapisyvaniya narodnoj yakutskoj muzyki* [Instructions for recording folk Yakut music]. In: *Mark Zhirkov: sbornik dokumentov i materialov* [Mark Zhirkov: collection of documents and materials]. Yakutsk, Bichik, 2017, pp. 57-63.